

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИСТОРИЯ ТУВЫ

Ч. К. Ламажаа¹

Аннотация: В статье рассматривается новый подход к истории Тувы – модернизационный. Эта концепция относительно новая и для российской социальной науки в целом, поэтому автор подробно разбирает его особенности. История Тувы сквозь призму теории модернизации предстает как сложный процесс перехода от традиционного состояния в современное, который начал разворачиваться с конца XIX века и продолжает свой драматический ход до сих пор.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, традиционное общество, современное общество, Тува, периодизация истории.

THE THEORY OF MODERNIZATION AND HISTORY OF TUVA

Ch. K. Lamajaa

Abstract: A new approach to history of Tuva - the modernizational one - is considered in this article. This is a rather new concept for Russian social science, and the author asserts its features in detail. The history of Tuva appears through a prism of the theory of modernisation as a difficult process of transition from the traditional condition into the modern one which has started developing since the end of the 19th century and continues its dramatic course till now.

Keywords: modernisation, the transformation, a traditional society, a modern society, Tuva, a history periodization.

Для того, чтобы характеризовать современное состояние общественного развития Тувы и прогнозировать его будущее, необходимо по-новому оглянуться на прошлое этого региона. Таким новым подходом, на мой взгляд, может быть теория модернизации, в свете которой история республики приобретает интересный ракурс, получают освещение много дополнительных нюансов.

Чем этот подход отличается от прежних?

В начале 1960-х годов была подготовлена и издана первая обобщающая работа — двухтомная «История Тувы», написанная коллективом авторов.

¹ Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/111-modernization.html

вом ученых Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне — Тувинский институт гуманитарных исследований) с привлечением научных сил Сибири, Москвы, Ленинграда¹. Начиная с древнекаменного века, история Тувы рассматривалась здесь по этапам жизни местного населения до середины XX века. В целом, история делилась на два больших периода, разделенных одним событием — Октябрьской революцией 1917 года. В соответствии с этим и формировалась логика построения фактического материала. Влияние российской революции расценивалось как безусловно позитивное, и в этом ключе рассматривались все социальные изменения в Туве.

В советской истории Тувы выделялись этапы мобилизационного строительства: национально-освободительная революция (1917—1921 годы); период завершения антифеодальной революции и развития по некапиталистическому пути к социализму, вхождение в состав СССР (1921—1944 годы)²; период завершения строительства социализма и развернутого строительства коммунистического общества (1944—1962 годы).

Отправной точкой исторической периодизации Тувы было возвращение событийного ряда в русло марксистской формационной теории о смене одних этапов развития другими через революционные сдвиги. В центре внимания проблем социального развития стояла в первую очередь экономическая сторона преобразований, в соответствии с которой должна была «подтягиваться» и культура народа. Ученые писали о сложностях и трудностях исторического пути тувинского народа, однако, общим было убеждение в прогрессивности избранного социального вектора. Считалось, что Тува из феодального строя смогла успешно перейти к стадии социалистического развития, минуя стадию капитализма. Это подкреплялось экономическим ростом в совет-

ское время. Соответственно теоретики и практики усматривали огромный позитивный потенциал избранного пути.

В связи со сменой политического и социального курса всего советского государства, его территорий, пересмотра оценок исторического прошлого и методологических подходов, в 1990-е годы была начата работа над переизданием обобщающего труда «История Тувы». На данный момент издано два тома, которые охватывают собой: 1) период с древнейших времен — до Октябрьской революции 1917 года³; 2) период с установления протектората России над Тувой (1914 г.) до вхождения ТНР в состав СССР (1944 г.)⁴.

В новом историческом труде отдана дань уважения предшественникам, чья работа была «основана на значительном фактическом материале, большая часть которого была получена путем кропотливого изучения различных письменных источников, архивных, полевых археологических и этнографических материалов, а также отечественной и зарубежной литературы»⁵. «Однако, — как подчеркнуто в отношении старого варианта «Истории», — существовавшая общественно-политическая система и ее идеологические установки оказали негативное влияние на полноту и характеристику исторических фактов»⁶.

Главной же трудностью для нынешних историков Тувы стал, по их признанию, выбор методологической позиции, выработка научной концепции и подхода к оценке отдельных исторических явлений, носящих дискуссионный характер. Решение было найдено следующее: исторический материал в указанной работе структурирован только хронологически.

Первый том книги разбит на следующие разделы: «Древнекаменный век» (глава I), «Неолит и бронзовый век» (глава II), «Скифское время» (глава III), «Гунно-сарматская эпоха» (глава IV), «Древнетюркская эпоха» (глава V), «Древнеуйгурское время» (глава VI), «Тува в составе

государства енисейских кыргызов» (глава VII), «Тува в эпоху империи Чингисхана и его преемников» (глава VIII), «Тува в период возникновения и распада государства Алтын-ханов и Джунгарии (XVI — первая половина XVIII вв.)» (глава IX), «Тува в период господства Цинской империи в центральной Азии (вторая половина XVIII — начало XX в.)» (глава X), «Падение Цинской династии и установление протектората России» (глава XI).

Во втором томе мы видим следующую структуру: «Тува в начале XX века» (глава I), «Внутриполитическая обстановка и борьба с военной интервенцией (1917—1921 гг.)» (глава II), «Тува в период образования и становления суверенного государства (1921—1929 гг.)» (глава III), «Политическое и социально-экономическое развитие ТНР (1930—1941 гг.)» (глава IV), «Культурное развитие ТНР» (глава V), «Внешнеполитические связи ТНР» (глава VI), «ТНР в годы Великой отечественной войны Советского Союза, вхождение Тувы в состав СССР и РСФСР» (глава VII).

В сущности, мы здесь имеем дело с историей как совокупностью фактов прошлого в жизни народа, общества — событийной историей. Вопрос осмысления истории Тувы как процесса развития общества, важнейшим этапом в котором был XX век, по-прежнему остается актуальной необходимостью современной науки. *Что происходило с Тувой в течение века? Что собой представляет тувинское общество сегодня? Куда оно движется?*

Для того, чтобы и поставить подобные вопросы, и попытаться их решить, нужен подход социально-философский. Не для замены работы историков, а для их дополнения, корректировки, стимулирования новых научных поисков.

Исхожу я буду из того заключения, с которым согласны были историки и советского периода, и постсоветского: *все кардинальные социальные изменения в тувинском обществе связаны с влиянием России*

и происходили в течение XX века. В советское время исследователи делали акцент на прогрессивности влияния, ныне же используют более корректное слово — «позитивность».

В связи с этим очевидно, что определять качественно разные исторические периоды Тувы имеет смысл с использованием новых методологических подходов в целом к российской истории. Разумеется, есть опасность, когда перенос одной схемы грозит упрощением характеристики, особенно если речь идет об обществах разных типов (оседлое и кочевое), масштабов (многонациональная империя, федерация и национальный регион). Формационная теория, которая для самой-то России была искусственно «натянута», для тувинского материала оказалась и вовсе чужеродной. Чтобы избежать подобных ошибок, нужен определенный баланс, «золотая середина»: не стоит реанимировать идеи особых «азиатских» теорий, но и не надо увлекаться механическими переносами западных или российских схем развития. Нужно переосмысление и того, и другого.

Придерживаться баланса позволит, на мой взгляд, один из наиболее перспективных подходов для изучения макросоциальных изменений — модернизационный, который ныне активно развивается в мировой и отечественной науке.

Во-первых, подход дает возможность связывать воедино и прошлые кардинальные социальные изменения, и самой России, и Тувы, и современные процессы, связанные с глобализацией. Во-вторых, можно говорить об уникальном пути изменений, своеобразии исторической судьбы Туве в составе России даже при общем багаже — наличии единой государственности и почти веке сосуществования. В-третьих, применение этого подхода дает особое представление о вариантах будущего.

Ключевым словом подхода является термин — «модернизация». Оно имеет разные содержания и, как отмечает П. Штомпка, можно выделить как минимум три его основные трактовки⁷.

Первая трактовка: модернизация — синоним всех прогрессивных социальных изменений (ныне редко употребляемый в науке, чаще — в публицистике, политике, обыденных представлениях).

Вторая трактовка: модернизация тождественна современности и означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций, происходивших на Западе с XVI века и достигших своего апогея в XIX—XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждение разума и науки, а также многое другое.

Кроме того, как пишет П. Штомпка, термин «модернизация» относится к процессам, происходящим в отсталых, слаборазвитых странах. Так характеризуются их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества (третья трактовка)⁸.

Второе и третье определения, по мнению Штомпки, являются более удачными и эвристически ценными.

Суть кардинальных социальных изменений, которые сопровождают модернизацию, проясняют понятия «традиционное общество» и «современное общество» (современность), которые многими исследователями противопоставляются. Подобные дихотомии, по мнению П. Штомпки, ведут свою историю с представлений Г. Спенсера, писавшего о «военном» и «промышленном» обществе. Среди наиболее известных полярных типологий: теории М. Вебера (традиционное и капиталистическое

общество), Э. Дюркгейма (общество механической солидарности и общество органической солидарности), Г. Мейна (общество, основанное на статусах, и общество, основанное на контрактах), Р. Редфилда (деревенское общество и городское общество)⁹.

В нашем случае я буду говорить о модернизации в русле теоретических представлений отечественной исследовательницы В. Г. Федотовой, которая адаптировала концепцию для российских реалий. Чтобы описать трансформационные процессы современной России, она внесла значительный вклад в теорию вопроса. В том числе предложила свою дихотомию: «традиционное общество» и «современное общество».

«Традиционные общества, — пишет В. Г. Федотова, — являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт»¹⁰. Их характерные черты: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; прединдустриальный характер; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада — недейтельной личности; ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; предзаданный статус, преобладание локального над универсальным.

В процессе модернизации происходит переход к современному обществу, для которого характерны: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (не-

циклическое) развитие; выделенная персональность; преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий; возможность достижения статуса; преобладание универсального над локальным.

Как видно из перечисленных признаков, в характеристиках современности В. Г. Федотова делает акцент на культурных ценностях общества в разных стадиях, обращает пристальное внимание на изменение духовных процессов, продолжая веберовскую традицию. Это позволяет ей соединять свою теорию с общим принципом цивилизационного подхода, в котором приоритет отдается факторам культуры, то есть ценностному своеобразию каждой цивилизации, государства, региона.

В отношении «современных обществ» В. Г. Федотова специально делает оговорку, что это понятие только вначале (в XIX веке) было тождественно Западу, так как именно западные страны продемонстрировали всему миру успешный пример «осовременивания». Ныне современным обществом стал пониматься особый тип цивилизации, первоначально возникший в Западной Европе, а затем распространившийся в других регионах мира.

Переход традиционного общества к современному (т.е. модернизация), как определяет В. Г. Федотова, это, по сути, переход к своей противоположности. Поэтому модернизация — это драматичный процесс¹¹. Он не всегда сопровождается удачами реформирования, ему грозят и откаты, тупики развития. Тем самым, хоть философ и признает исторически первыми возникшими традиционные общества, она не рассматривает «современность» как сугубо историческое понятие.

Современность стала рассматриваться как «аналитическое» понятие (по П. Штомпке), в отличие от западного¹², и самими западными учеными. Именно такой подход, в оценке польского социолога, свойственен концепции «множественных современностей» Ш. Эйзенштадта, Б. Виттрока и др. Эти исследователи обнаруживают вполне развитые аспекты современности (модернизированного общества) в других частях света, нежели Европа, и значительно раньше, чем в течение последнего века или последних веков, доказывая таким образом существование многих сценариев движения в современном обществе, отличающихся от уникального «западного» сценария.

Успех Японии и Юго-Восточной Азии показал миру опыт, который не вписался в классические модернизационные теории. В этих регионах старые ценности явились источником институтов современности, показывая тем самым новый тип развития — постмодернизацию¹³, то есть новый виток модернизации на основе культуры. Страны миновали некоторые этапы западного развития, особенно болезненные процессы смены идентичности на западную.

В научной литературе альтернативой понятию «модернизация» выступает термин «трансформация», который, по мнению В. А. Ядова, лишен векторной нагрузки. Социолог поясняет свое видение так: термины «модернизация», «переходный период», «переходное общество» не выражают существа происходящих в России изменений «просто потому что, исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен»¹⁴.

Другой авторитетный социолог Т. И. Заславская также оперирует данным термином. Она считает, что теория модернизации с советской историей коррелирует лишь частично, а с постсоветской — не коррелирует вовсе¹⁵. Не приемлет ученая и понятие «переход», в котором, как она трактует, предполагается наличие субъекта (для общества

таковым выступает сильная власть), знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех (граждан страны), кого он ведет в избранном направлении. «Нет оснований говорить о целенаправленном переходе России к более современному и эффективному типу общества»¹⁶, — пишет Т. И. Заславская. Происходящее сегодня в стране она характеризует как преимущественно стихийная трансформация общественного устройства, в котором не являются предрешенным ни генеральное направление, ни конечные результаты.

С социологами соглашается социальный философ Н. И. Лапин, сформулировавший на этом основании свой подход к истории России, к ее периодизации. Он пишет о социокультурной трансформации — «комплексном, преимущественно эволюционном преобразовании общества как социокультурной системы: присущего ей типа антропосоциентального соответствия или конкретно-исторической ее формы»¹⁷. Под комплексностью ученый подразумевает трансформационный процесс всех основных структур и процессов системы, который не сводится к реформам «сверху», ход и исход которого в решающей степени зависит от действий социальных групп.

Социокультурная трансформация, по мнению автора, может рассматриваться в двух видах: 1) традиционализация (возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов по сравнению с возможностями инновационных их действий) и 2) либерализация или модернизация (расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов).

Размышляя о проблеме социальных изменений России, в том числе ее регионов, на мой взгляд, необходимо признавать фактор внешнего вызова (внешних условий), побуждающего общество к кардинальным преобразованиям, заставляющего пересматривать принципы своего существования. Когда Запад продемонстрировал миру новый тип общества — модернизирующийся, современный, это стало вызовом для остальных, которые вынуждены были искать свои ответы на этот вызов.

Кроме того, не стоит недооценивать роль правящих групп общества и утверждать о преобразованиях самой системы. Общеизвестна роль таких харизматических лидеров в истории России как Петр Великий, Ленин и др., деятельность которых привела к значительным общественным переменам. Политическая элита (или властные группы), подпитываемая настроениями «снизу», потребностями духовной элиты, определяла более или менее конкретное направление преобразований общества. И это направление всегда соотносилось с западным путем в разных вариантах: как копирование, как альтернатива, как противостояние ему, соперничество, желание догнать и перегнать. Однако, собственно социальные преобразования, имеющие модернизационную направленность, происходили в сложном соотношении с традициями общества, с ожиданиями или противодействием масс. При этом история российских регионов (губерний, провинций, национальных территорий) была также связана с западной, хоть и опосредованно, через «Центр» России.

Собственно сам же Н. И. Лапин, предваряя свое видение исторических процессов страны, признает: «В России трансформационные процессы развертывались в целом в русле европейских, но с отставанием, соответствующим более позднему выходу славянских племен на историческую арену»; «вместе с тем, геополитическое положение России,

специфика становления ее культуры и другие факторы обусловили нарастающее запаздывание модернизационных процессов, их дискретность, учащение их маятникового пульса»¹⁸.

Поэтому очевидно, что *основное направление процессов в России и ее регионах можно охарактеризовать термином «модернизация». Российское общество искало и продолжает искать свои ответы на внешние и внутренние вызовы. И отвечая на них, оно пытается совершить драматический переход к современному типу общества*, основные черты которого изложены выше.

Ориентация на экономическое благополучие является ныне потребностью любого общества, которое вынуждено считаться с окружающими его обществами, которое не может существовать и развиваться автономно. Россия не может не испытывать модернизационные вызовы. Она формирует при этом свой вариант осовременивания, сложный, драматичный, полный противоречий.

В теории модернизации есть место и термину «трансформация», который применяется для характеристики комплексных социальных сдвигов в ходе модернизационных процессов, а также и термину «адаптация», который часто применяют и к российскому обществу в целом, и к региональным социумам в частности¹⁹ — в качестве определения степени восприятия модернизационных процессов населением.

Выбор ключевого термина «модернизация» здесь связан также и с определенной исследовательской позицией, отличной от вышеизложенной позиции социологов. Речь идет об ориентации на разные парадигмы в социальном познании.

В. Г. Федотова опирается на концепцию авторитетного отечественного философа — теоретика науки В. С. Степина. Наиболее разработанную типологию научного знания (с выделением классической, неклассической и постнеклассической стадий) он применил к естество-

знанию и тем самым создал единую основу для рассмотрения эволюции научного знания.

Согласно его представлениям, изменения в науке носили революционный характер и сопровождались разными типами научной рациональности. Классический тип, по мнению В. С. Степина, центрирует свое внимание только на объекте и выносит за скобки все, что относится к субъекту и средствам деятельности. Только так считалось возможным получение объективно-истинного знания о мире. Для неклассической рациональности характерна идея относительности объекта к средствам и операциям деятельности; экспликация этих средств и операций выступает условием получения истинного знания об объекте. Наконец, постнеклассическая рациональность расширяет поле рефлексии над деятельностью. Она учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами²⁰. Каждый новый тип рациональности не отменяет предыдущий, а становится доминантным, ограничивает сферу действия предшествующих, которые продолжают сосуществовать наряду с доминантным.

Как отмечает В. Г. Федотова, данная методология глубоко эвристична, так как позволяет соотнести развитие науки не только с внутринаучной логикой, но и с социальными факторами. Это для социальных наук является чрезвычайно продуктивным²¹.

Современное социальное познание, утверждает исследовательница, имеет две методологические особенности: невозможность принимать теоретические конструкторы за реальность и жить в соответствии с ними, а также плюрализм концепций как способ обеспечения разных типов или аспектов деятельности. «Истина в настоящее время может быть истолкована не как воспроизводство (слепок) объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним»²², — пишет она. В соответ-

вии с этим утверждением, многие типы социального знания могут быть произведены одновременно с решением задачи его применения.

Важно понимать, что история уже доказала способность «превращать человеческие намерения и усилия в нечто, отличное от задуманного», подчеркивает В. Г. Федотова. Субъект не просто изучает мир, и даже не просто переделывает его. Специфика современного этапа такова, что ученый не может избежать риска и не в силах гарантировать положительный социальный результат применения своих концепций. Ссылаясь на работы экономиста В. Леонтьева, философ говорит о том, что в неустойчивых системах задуманный проект может вызвать совершенно далекие от ожидаемых следствия.

В соответствии со своим макросоциологическим видением взаимосвязи научного знания и социальных процессов, В. Г. Федотова характеризует российские социальные изменения как модернизационные. И данный подход, кроме всего прочего, демонстрирует пример постнеклассического типа научной рациональности. Исследовательница не выводит себя за скобки познания социальных процессов, она включает себя в этот процесс. И включая, обозначает свою позицию и моральный выбор, что, на мой взгляд, является правильным для современного исследователя.

Об этом новом характере социологического знания, в частности, пишет и П. Штомпка, говоря о нынешнем расставании с положениями позитивизма. Он считает, что первым на идеологическую ценность социальных наук обратил внимание еще К. Маркс. О самосбывающихся пророчествах писал Р. Мертон, когда люди, поверив в какую-либо теорию и вытекающие из нее прогнозы, даже если они ложны, осуществляли положения теории. Такую особенность обществензнания Штомпка, вслед за Э. Гидденсом, называет рефлексивностью²³, которая имеет большое значение для социальной практики.

Работы большого количества ученых — представителей интеллигенции, как духовной элиты общества, которые пытаются постичь трансформационные процессы в России без видения определенного вектора, без признания роли внешнего фактора — вызова нового типа общества, имеют определенное социальное значение. А именно: оборачиваются отстраненностью от социальных задач той социальной группы, которая должна возглавлять духовные процессы в обществе для оздоровления атмосферы, формулирования и поддержки моральных идеалов.

Речь идет не просто о том, чтобы получить объективное знание об обществе, его прошлом и настоящем, как бы отбрасывая, не принимая во внимание слабо отработанные, рискованные планы правящих групп общества — «верхов», но и о том, чтобы среди массы противоречивых тенденций увидеть, сформулировать ориентир-идеал и строить свою теорию в соответствии с ним.

Моральный выбор, гражданская позиция В. Г. Федотовой заключается не в том, чтобы Россию сделать западной страной, как могут думать некоторые исследователи, поверхностно знакомые с ее работами. Выбор философа в том, чтобы общество, чтобы его духовная элита, в том числе научная интеллигенция, искали для страны путь не просто преодоления нынешнего кризиса, но и вхождения в глобализированный мир на правах современного общества благополучия²⁴. И в теории, и на практике.

Философ утверждает, что неприятие идеи модернизации, отрицания конкуренции России с другими государствами в глобализированном мире, акцентирование на традиционном, является, по сути, отказом от улучшения собственной жизни. «Большим патриотом, скорее всего, окажется тот, — пишет автор, — кто сочетает эту привязанность

(к традициям — ЧЛ.), готовность разделить судьбу своей страны с желанием ее процветания и развития»²⁵.

Занимая подобную позицию в отношении своего исследуемого объекта — общества Тувы, я прихожу к обозначению своей методологической опоры: *выбору теории модернизации (подразумевая его новейшее направление — «постмодернизация»), употреблению термина «модернизация» в качестве основного, а также приверженности постнеклассическому типу научной рациональности, обусловленному моей научной школой.*

В виду того, что тувинская культура относится к культуре кочевых скотоводов центральной Азии, отмечу одну из интересных точек зрения специалистов-номадологов по поводу применения социальных теорий к обществам номад.

Кочевые общества для западных ученых, занятых построением исторических схем, всегда были «крепкими орешками», ибо не вписывались ни в «азиатский способ производства», ни во что-то другое. В частности, как пишут Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, марксистская теория с пятью способами производств, с формациями не могла объяснить возникновение, расцвет и гибель степных империй, а также тот факт, почему «надстройка» кочевых обществ в отличие от «базиса» не сохраняла своего постоянства²⁶.

Собственно проблему эволюции номад упомянутые исследователи предлагают решать с помощью концепции альтернативности, точнее «эволюционистской интерпретации исторического процесса в ее многолинейной вариации»²⁷. Они рассматривают эволюцию двух типов обществ: иерархических (в которых усложнение социальных структур идет по нарастающей, пример: Запад) и гетерархических (своеобразных обществ без построения государственности). При этом, как подчеркивают номадологи, альтернативность может присутствовать и внутри самих

указанных типов эволюций. В частности, кочевники-скотоводы создавали самые разнообразные по степени сложности формы политической организации. Государственность для них не была необходимой, и данный факт говорит только об особой социальной эволюции, но никак не об отсталости, неразвитости, тупиковой ветви.

Подчеркну, что *модернизация, кардинальное изменение своего типа (с традиционного на инновационное) не является внутренне необходимым для общества кочевников процессом. Поэтому данная теория применима к пониманию современных реалий, в которых огромное значение для трансформации обществ имеют внешние факторы, в частности вызовы глобализации.* Теория никак не отменяет представление об альтернативности эволюционных путей. Более того, как я уже упоминала, *собственно «постмодернизация» подразумевает также альтернативный, уникальный способ модернизации на основе своей культурной идентичности.* Для социального теоретика в данном случае важно в формулировании конкретной региональной постмодернизации, точнее в ее анализе и оценке ее перспектив — учет культурной уникальной основы региональных обществ.

С точки зрения теории модернизации, новая история Тувы состоит из нескольких периодов крупных преобразований, смысл которых заключается в изменении хода социальных процессов, модернизации общества, проходивших с большей или меньшей степенью успешности.

Все эти преобразования приходятся на последний век, начиная с рубежа XIX—XX вв. Каждый новый этап имеет свои особенности, протекал по разным сценариям.

На первом этапе происходило развитие традиционного общества (*традиционный период*). За его начало можно взять время сложения первоначальных основ социально-этнической общности тувинцев (VI—XII вв.)²⁸. Собственно же этнос с самоназванием «тувинцы» на

территории Тувы сформировался с XVII в., главным образом в XVIII—первой половине XIX в.²⁹ Окончание периода приходится на конец XIX—начало XX века.

С упомянутого рубежа веков в Туве начинают разворачиваться модернизационные процессы, которые были связаны с российским влиянием и стали осуществляться в соответствии с желаниями «верхов», при понимании «низов», на основе логики культуры — первые три десятка лет XX века (*тувинская модернизация*).

Впоследствии усиление российского влияния привело к масштабному вовлечению тувинского общества в мобилизационные процессы социалистической модернизации, которые сопровождались значительными институциональными преобразованиями и формированию «культурной травмы» (*силовая мобилизация Тувы*) — 1930-е—1990-е годы. Несмотря на то, что в отношении советской истории всей России исследователи выделяют несколько разнокачественных этапов, в данном случае я буду говорить о едином периоде в жизни региона.

В постсоветское время — с начала 1990-х годов и по настоящее время, тувинское общество оказалось в кризисе модернизационного развития. Здесь сформировался такой тип социального порядка, который я определяю как *демомодернизация* или «*новое средневековье*» Тувы.

Близкой является позиция историка Н. М. Моллерова в одной из последних его работ — «Истории советско-тувинских отношений (1917—1944 гг.)». (М., 2005). Рассматривая методологические подходы к истории Тувы, он считает правомерным привлечение к решению проблем теорию модернизации. Правда, собственно модернизация характеризуется им как «обновление». Накладывая положения теории на исторический материал, Н. М. Моллеров выделяет следующие этапы: 1838—1918 гг. — процесс колонизации и иного, отличного от кочевого, хозяйственного освоения Тувы российскими торговцами, золотопромышленниками и

крестьянами переселенцами; 1921—1944 гг. — развитие общества под лозунгом некапиталистического развития; 1944—1991 гг. — в составе Советского Союза и Советской России; и — «современный этап» (по всей видимости, начиная с 1991 года)³⁰.

Отсчет своей периодизации автор начинает с момента активных взаимоотношений Тувы с Россией. Соглашусь с Н. М. Моллеровым в том, что это историческое время является самым насыщенным в плане общественных трансформаций Тувы, посему, с точки зрения теории модернизации, требует к себе гораздо большего внимания, чем ранняя история общества.

Однако, не могу не подчеркнуть снова, что модернизационный подход этот строится на представлениях о двух качественно разных типах обществ — традиционном и современном. Он не только концентрируется на факте трансформации, но и позволяет рассматривать, в том числе ход эволюционного поступательного движения традиционного общества, который в определенный момент времени чувствует очередной вызов такого характера, что вынуждено не просто перестраиваться, как ранее, но и меняться кардинально, даже ломая часть своих традиций. Чтобы понять качественное отличие этих изменений от предыдущих — эволюционных, имеет смысл не только концентрировать внимание на переломном историческом моменте, но учитывать и раннюю историю.

Теория модернизации также позволяет говорить и о будущем общества. В принципе речь идет о некоем идеале – современном обществе, у которого выделяются набор характерных черт. Однако, это не значит, что образ этот конкретен, путь к нему определен. Несмотря на некие общие условия, каждое общество, в том числе и Тува, по сути должно находить свой вариант осовременивания. Поэтому, я считаю, что теория модернизации может плодотворно обсуждаться гуманитар-

ным знанием относительно и прошлой истории Тувы, и перспектив его развития.

¹ История Тувы. М., 1964. Т. 1, 2.

² При этом, Ю. Л. Аранчын считал, что период самоопределения с 1921 по 1944 годы имеет ряд особенностей в силу доминирования разных задач и характерных черт в разные годы. См.: Аранчын Ю.Л. К вопросу о периодизации истории Тувы переходного периода от феодализма к социализму. // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. С. 7.

³ История Тувы. Новосибирск, 2001. Т. 1.

⁴ История Тувы. Новосибирск, 2007. Т. 2.

⁵ История Тувы. Т. 1. С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 170—185.

⁸ Там же. С. 170—171.

⁹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 580.

¹⁰ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 166.

¹¹ Там же. С. 168—169.

¹² Штомпка П. Социология. С. 578.

¹³ Не путать с постмодернизмом, как подчеркивает В. Г. Федотова: Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 214—215.

¹⁴ Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999, № 10—11. С. 66.

¹⁵ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2003. С. 560—561.

¹⁶ Там же. С. 190.

¹⁷ Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000. С. 40.

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ См. например: Аврамова Е. М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М., 1998; Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. / Отв. ред. Бутенко И. А. Сер. «Новая перспектива». Вып. 11. М., 1999; Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. Новосибирск, 2003 и др.

²⁰ Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 633—634.

²¹ Социальные знания и социальные изменения. / Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 2001. С. 5.

²² Там же. С. 13.

²³ Штомпка П. Социология. С. 22.

²⁴ Здесь исследовательница использует термин «хорошее общество». См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.

²⁵ Там же. С. 362.

²⁶ Бондаренко Д. М., Кортаев А. В., Крадин Н. Н. Социальная эволюция, альтернативы и нomaдизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. С. 9—36.

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск, 2004. С. 119.

²⁹ Там же. С. 129.

³⁰ Моллеров Н. М. История советско-тувинских отношений (1917—1944 гг.). М., 2005. С. 7—8.